

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.76>

ВЛИЯНИЕ ГРАМОТНОСТИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX-НАЧАЛА XX ВВ

Научная статья

Федорова В.И.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2514-9728;

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (vi-fedorova[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается влияние грамотности на формирование новых социокультурных структур и трансформацию менталитета сельского населения Енисейской губернии на рубеже XIX-XX веков. Утверждается, что процесс социокультурной модернизации в сибирской деревне имел определенную специфику, обусловленную окраинным положением региона в силу чего доступность даже начального образования для сельского населения была существенно ниже, чем в европейской части страны. Главной причиной являлось резкое отставание региона по обеспеченности образовательными учреждениями и их архаическая структура. Большинство типов школ в сельской местности являлись тупиковыми и не давали возможности для продолжения образования в средней и высшей школе. Это затрудняло формирование квалифицированных кадров, которые являлись носителями культурного модерна.

Ключевые слова: крестьянство, уровень грамотности, социальная мобильность, культурный модерн.

INFLUENCE OF LITERACY ON SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION OF RURAL POPULATION OF YENISEI GOVERNORATE IN XIX-EARLY XX CENTURIES

Research article

Fedorova V.I.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2514-9728;

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation

* Corresponding author (vi-fedorova[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the impact of literacy on the formation of new socio-cultural structures and the transformation of the mentality of the rural population of Yenisei Governorate at the turn of the XIX-XX centuries. It is argued that the process of socio-cultural modernization in the Siberian village had a certain specificity due to the marginal position of the region, so that the availability of even primary education for the rural population was significantly lower than in the European part of the country. The main reason was the region's drastic lag in the provision of educational institutions and their archaic structure. Most types of schools in rural areas were dead-end and did not provide opportunities for further education in secondary and higher schools. This hindered the formation of qualified personnel who were carriers of cultural modern.

Keywords: peasantry, literacy rate, social mobility, cultural modernity.

Введение

Проблема социокультурной трансформации является ключевой для изучения закономерности перехода от общества традиционно-аграрного типа к индустриальному. Одним из механизмов формирования социокультурной инфраструктуры общества модерна является образование. Оно становится необходимым условием социальной мобильности, открывая для старых классов пути интеграции в формирующееся новое социокультурное пространство. В связи с этим особый интерес представляют изменения в отношении к образованию крестьянства как главного носителя традиционного сознания. Для изучения выбран региональный материал, характеризующий динамику уровня грамотности и изменения мотивации крестьянства к образованию, направленной на формирование новой социокультурной среды в деревне.

Данная тема не являлась предметом специального изучения, однако определенный конкретно-фактический материал для её углубленной разработки можно найти в исследованиях по общим вопросам истории образования Енисейской губернии в трудах В. Захарова, П. Давыдова, Н.С. Юрцовского Д.Г. Жолудева, А.И. Шилова, В.И. Федоровой.

Основная часть

Отношение крестьян к образованию в течение пореформенного периода заметно меняется. Если в начале периода крестьяне рассматривали получение грамоты преимущественно с точки зрения утилитарной выгоды (получение льгот при прохождении военной службы) или перехода к другим занятиям, требовавшим знания грамоты (торговля, ремесло, занятие должности сельского писаря), то со временем тяга к знаниям все более связывается с личностными мотивами: повышением социального статуса, удовлетворением личных амбиций, пониманием самооценности знания. Так, крестьяне, отвечая на вопросы анкеты о значении образования в их жизни, признавали, что оно положительно влияет на повышение нравственной культуры в деревне. Из села Ирбейского Канского уезда, писали: «Школа имеет влияние на нравы населения в том отношении, что крестьянин, обучавшийся в школе, не будет ругаться нецензурными словами

и не так упивается вином; при том развивается религиозность; обучавшийся не пойдет накануне праздника в кабак, а в праздник сходит к обедне, смягчается отношение к женщине» [6, С. 45].

Однако эти новые веяния были выражены очень слабо. Уровень грамотности сельского населения в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно. К началу 1890-х гг. по четырем округам (Красноярскому, Канскому, Минусинскому и Ачинскому) он составил 6,5%. Среди мальчиков – 11,2%, девочек – 1,6%. Это меньше чем в соседней Иркутской губернии – 8,1% [7, С. 3]. На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось 43, Ялуторовском округе Тобольской губернии – 38, Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии – 44, а в Енисейской губернии – 31. При этом по отдельным уездам и волостям наблюдался очень большой разрыв показателей: от 20,3% (в Ермаковской волости Минусинского округа) до 4,8% в волостях Ачинского округа [7, С. 3]. Наиболее высокий уровень грамотности наблюдался среди жителей притрактовых сел, занимавшихся извозом, торгово-промышленными занятиями и в селах, близко расположенных к городам. Старожилы губернии уступали в грамотности новоселам и переселенцам. Так среди первых уровень грамотности составлял 9,8%, тогда как у новоселов – 12,1%, переселенцев – 14,3% [7, С. 3]. На показатели грамотности влияло и социальное положение крестьян, среди зажиточных старожилов грамотных было 44%, а среди бедняков – 4,6% [7, С. 3]. Однако даже среди бедноты наблюдалась определенная дифференциация: часть бедноты из переселенцев, вынужденная для обузаведения хозяйством на новом месте работать по найму, старалась получить хоть какое-то образование для получения работы. Тогда как беднота из старожилов имела самые низкие показатели грамотности.

Одной из причин медленного роста грамотности сельского населения было недостаточное обеспечение школьными учреждениями. По обеспеченности начальными школами Енисейская губерния значительно уступала своим соседям. Так, если в Томской губернии в 1870-1880-е гг. 1 школа приходилась на 5863 душ, в Иркутской – на 6363, то в Енисейской – на 9645. При этом почти третья часть их приходилась на городское население, составлявшее около 10%. Только к началу XX в. динамика школьной сети начинает расти активными темпами.

Таблица 1 - Обеспеченность Енисейской губернии начальными школами

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.76.1>

Годы	1864	1891	1894	1904
численность школ	44	146	181	349

Примечание: по ист. [9]

По мере увеличения переселенческого потока после проведения Транссиба грамотность сельского населения губернии заметно возрастает. Так по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. грамотность крестьян выросла, составив 10,28%, превысив общесибирский показатель (9,5%), но в то же время заметно уступая уровню грамотности сельского населения в европейской части – 19,1% (в целом по России 17,4%) [8, С. VIII]. Однако эти положительные сдвиги далеко не отвечали потребностям социально-экономического и культурного развития региона.

В начале XX в. Сибирь все более активно вовлекается в общероссийские процессы, связанные с курсом ускоренной промышленной модернизации, взятым правительством во главе с министром финансов С.Ю. Витте. Проведение Великой сибирской железнодорожной магистрали открыло колоссальный промышленный потенциал Сибири, в связи с чем заметно возрастает потребность в квалифицированных рабочих кадрах. А без дальнейшего расширения системы народного образования решение этого вопроса становится невозможно. Да и сами крестьяне, среди которых все чаще возрастает потребность в дополнении своих доходов торгово-промышленными занятиями, связанными с отходом в города, на золотые прииски, начинают активнее выступать за открытие школ в своих селах.

В начале XX в. резко возрастает количество приговоров сельских сходов об открытии школ. Крестьяне жаловались, что не имеют возможности дать детям образование из-за удаленности школ и собственной бедности. В ряде прошений такого рода уже четко звучала мысль, свидетельствующая о понимании крестьянами того, что их бедственное положение является результатом неграмотности. Так в приговоре крестьян с. Александровского Анцирской волости Канского уезда говорилось: «Начальных школ в деревне весьма недостаточно, и каждый год за бортом школы остается много детей, жаждущих получить скромное начальное образование. Бедность мучит и давит нас, поэтому мы хотим обучать наших детей, чтобы выбиться из бедности... Русский народ, к нашему общему несчастью, пребывает в нищете просвещения» [4, С. 56].

И хотя такие просьбы местные власти обычно одобряли, но их удовлетворение тянулось годами, вызывая естественное недовольство крестьян. Поэтому не случайно в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. кроме требований экономического и политического характера крестьяне выдвигают как одно из самых насущных – требование всеобщего начального образования. Так в приговоре, принятом на сходе крестьян Новоселовской волости, говорилось: «Спешно ввести всеобщее, бесплатное, обязательное образование на государственный счет, помня, что каждый год медлительности вырывает счастье у сотен тысяч наших крестьянских детей. Да ввести образование не такое, какое у нас есть сейчас, а гораздо лучшее, а то сейчас наши ребята хотя и учатся изредка, но не знают, как лучше жить, а потому также небо и копят, как мы, сплошь почти неграмотные» [4, С. 57].

Столыпинская аграрная реформа дала новый импульс развитию крестьянского хозяйства. Распахивались новые земли, вводились новые севообороты, улучшалась агрикультура. Существенно в эти годы выросла обеспеченность крестьянских хозяйств машинной техникой. Крестьянское хозяйство все более активно втягивается в рынок. Чтобы

успешно ориентироваться в запросах рынка, крестьянину уже нельзя было полагаться на стародедовские знания и навыки, приходилось расширять свой кругозор с помощью специальной экономической и сельскохозяйственной литературы – журналов, газет, биржевых сводок. К этому подталкивало и широкое распространение кооперации. Крестьяне создавали кредитные товарищества, кооперативы по закупки промышленных товаров и сбыту сельскохозяйственной продукции. А для того, чтобы вести бухгалтерию, планировать бюджет и распределять доходы согласно паям, нужна была грамотность.

Насколько остро перед крестьянами в этот период встал вопрос доступа к образованию свидетельствовал известный крестьянский деятель Енисейской губернии Ф.Ф. Девятков, неоднократно выступавший в печати за увеличение школ в сельской местности. «Как ни темен и безграмотен люд нашего края, но и у него уже явилось сознание, что плохо быть человеком непросвещенным, что приходит время, требующее от человека знаний более обширных, чем те которыми пользовались люди отживших поколений, что приходит время, требующее от него понимания всего его окружающего; что почет и уважение отдается теперь просвещенному разуму человека, а не его грубой силе... Достичь благ материальных и довольства, не говоря уже об умственных и нравственных без просвещения, т.е. без грамотности немыслимо», – писал он [3, С. 26].

Образование, проникая в деревню, постепенно преобразовало не только хозяйственный, но и культурный уклад крестьянства. В селах появляются такие «городские» культурные новшества, как библиотеки, народные чтения, народные театры, народные дома, оркестры. Формы старого деревенского досуга с традиционными посиделками на завалянке и хороводами уже не моде. Особенно эти новшества были популярны среди учащейся молодежи, и не случайно именно школы становятся центрами, откуда на деревню распространяются волны культурного модерна, а сельские учителя главными акторами начавшейся «культурной революции». Так в селе Заозерном Канского уезда при школе в 1915 г. был открыт театр. Премьерой народного театра стал спектакль по пьесе А.С. Пушкина «Борис Годунов». Театральный бум стремительно стал распространяться по селам. Такие же театры открываются в школах Рыбинского, Большой Мурте, Частоостровском, Шалинском, Уяре, Знаменском заводе, Чернореченском. Учителя отбирали для репертуаров школьный театров лучшие образцы русской классики, это открывало для народа культурное наследие, являвшееся национальным достоянием. И оно постепенно становилось для крестьян не чужеродным (барским), а своим, что способствовало сокращению культурного разрыва, разделявшего народ и образованные классы, формированию общенационального культурного пространства, постепенному вытеснению из крестьянской повседневной жизни культурной архаики.

Важным последствием проникновения грамоты в деревню стал подрыв традиционного крестьянского менталитета. Раньше мир казался крестьянину незыблемым, а хозяйственный и социальный порядок – вечным, а если и происходили какие-то перемены, то они были предопределены независимыми от человека силами: бог, судьба, природа, власть. Теперь он убеждается в том, что знания дают человеку способность самому активно влиять на окружающий мир и изменять его. Это предает ему больше уверенности, инициативы и мотивирует на всевозможные инновации, начиная от перемен в быту, до смелых поступков в своем социальном и гражданском поведении. Власть обычая, общины, семьи уступает личной воле, мнению. И уже нет страха, что традиционный уклад может быть утрачен, а обновление воспринимается как улучшение.

Благодаря новым веяниям в селе начинает формироваться сельская интеллигенция. Ее костяк составляют представители таких массовых интеллигентских профессий как учителя, библиотекари, медики, агрономы, ветеринары, служащие складов по продаже и обслуживанию сельскохозяйственной техники, служащие кооперативных объединений (счетоводы, бухгалтеры), священники. Особенно важно то, что она постепенно превращается из инокультурной группы в органическую часть деревенского общества, пополняясь из его собственных рядов. Наиболее динамично этот процесс идет в среде учителей. Так среди выпускников Красноярской учительской семинарии, дававшей 80% учителей, работавших в начале XX в. в сельских школах губернии, заметно возрастает доля крестьян. Если в 1880-1890-е гг. выходцы из крестьянского сословия среди учеников семинарии составляли не более 10%, то к 1917 г. их становится уже около двух третей. Так 1906-1911 гг. из 80 выпускников семинарии 48 были из крестьянского сословия [9, С. 140].

Тенденция роста среди учительства выходцев из крестьян имеет объяснения в том, что обучение в учительской семинарии было наиболее доступным для крестьянских детей, так как в селах губернии преобладающим типом образовательных учреждений являлись одноклассные и двухклассные училища, которые не давали возможности для продолжения образования в средней школе. Единственным способом получения среднего образования для крестьян было окончание высшего начального училища, либо учеба в учительской семинарии, после окончания которой можно было либо поступать в учительский институт, а оттуда в университет, либо в гимназию. Но так как обучение в учительской семинарии было бесплатным, давало освобождение от воинской повинности, а также студенты обеспечивались стипендией, то это во многом предreshало выбор в пользу семинарии. Получение учительской профессии сразу поднимало социальный статус ее носителя по сравнению с крестьянами. Во-первых, сельские учителя не являлись податными, во-вторых, для учителей школ МНП открывались перспективы получения чина по Табелю о рангах, со всеми полагающимися для чиновников социальными льготами.

Менее активно крестьяне участвовали в формировании других массовых интеллигентных профессий, например, врачей. Так за весь период работы медицинского факультета Томского университета его окончили только три крестьянина из Енисейской губернии. Между тем, поступление в университет было облегчено для крестьян губернии не только географической близостью, но и тем, что туда принимали с аттестатами духовных семинарий, учеба в которых была более доступна для крестьян. Другим путем поступления в университеты было окончание гимназии, но поступление туда требовало более высокого уровня подготовки, которую не могло дать сельское училище. Поэтому доля крестьянских детей в губернских гимназиях хотя и имела тенденцию к росту, но даже к концу периода оставалась

незначительной. Так, в Красноярской мужской гимназии за период с 1896 г. по 1909 г. она выросла с 5,6% до 12,1% [9, С. 71].

Более доступным для крестьян было получение фельдшерской профессии, так как она не требовала обязательного среднего образования. В Сибири к началу XX в. действовали пять фельдшерско-акушерских училищ; три из них в Западной и две в Восточной Сибири, в том числе одна из старейших фельдшерских школ в регионе – красноярская, открывшаяся по инициативе Красноярского общества врачей в 1889 г. Она давала более 60% кадров низшего медицинского персонала для Енисейской губернии.

Низкая плата за обучение, выплата стипендий остро нуждающимся, предоставление общежития иногородним – все это делало школу доступной для малоимущей сельской молодежи. Так, в 1911-1912 учебном году на четырех курсах школы обучалось 184 ученицы: из них 76 (41,3%) принадлежали к мещанскому сословию, 61 (33,1%) дочерей крестьян, 18 (9,8%) – дочерей чиновников, 10 (5,4%) – духовного звания, 7 (3,8%) – дочерей военных, 6 (3,3%) – дворян, 5 (2,8%) – купеческого звания, 1 (0,5%) – почетных граждан [9, С. 108].

Большой интерес в среде крестьян вызывали профессии, связанные с нуждами земледельческого хозяйства. Так при открытии в 1909 г. в Красноярске землемерного училища среди учеников первого набора четыре пятых составили дети крестьян и мещан. Программа обучения кроме общеобразовательных предметов в рамках средней школы включала такие специальные как: геодезия, почвоведение и растениеводство, сельскохозяйственная и лесная таксация, межевое законодательство, черчение земельных планов. Срок обучения длился 4 года, выпускники получали специальность землемера таксатора. Обучение было платным – 20 рублей в год, но для учеников от казны были выделены 60 стипендий по 180 рублей. Кроме того, учащиеся из малоимущих семей освобождались от платы, доля таковых составляла примерно 25%.

С началом столыпинской аграрной реформы большую популярность стали набирать сельскохозяйственные школы, дававшие элементарные сведения для крестьян по ведению хозяйства. Первая такая школа в Енисейской губернии была основана в с. Рыбинском Канского уезда по приговору крестьян в 1911 году. Школа была предназначена для специальной подготовки крестьян по полеводству, животноводству, пчеловодству, огородничеству. Она находилась в ведении Главного Управления землеустройства и земледелия, которое подчинялось Министерству государственных имуществ. Курс обучения составлял три года. Школа была рассчитана на местных крестьян и обучение для них было бесплатным. В программу обучения входили предметы общеобразовательного цикла: Закон Божий, русский язык, естествознание, арифметика и начала геометрии, которые давались в объеме начальных школ МНП. А также специальные – и растениеводство, животноводство, огородничество, пчеловодство, законоведение. Хотя школа и не готовила дипломированных специалистов по сельскому хозяйству, но являлась первой ступенькой к этому. Её выпускники могли продолжать свое образование в специализированных учебных заведениях среднего образования и пополнять ряды сельской интеллигенции.

Заключение

Заключая, можно сказать, что образование как социальный лифт для низших сословий на далекой сибирской окраине к началу XX в. был запущен, но работал он крайне неэффективно. Численность выходцев из крестьян и казаков, которым удавалось получить среднее образование, составила по Первой переписи 1897 г. 684 человека, что в процентном соотношении было равно 0,15%. Если судить по численности крестьян и казаков с высшим образованием – 47 человек (0,01%), то приходится признать, что оно было для них практически недоступно [8, С. 32]. В начале XX в. эти цифры в абсолютном значении возрастают, и счет уже идет на сотни, но относительно общей массы крестьянства доля крестьянской интеллигенции по-прежнему оставалась каплей в море.

Отмеченные сдвиги в жизни сибирской деревни имели колоссальное значение в смысле подрыва культурной архаики, в которой веками находилось русское крестьянство. Однако, динамика социокультурной модернизации в начале XX в. в сибирском регионе была слишком слабой, чтобы решить эту историческую задачу. Главной причиной являлось резкое отставание региона по обеспеченности образовательными учреждениями и их архаическая структура. Большинство типов школ в сельской местности являлись тупиковыми и не давали возможности для продолжения образования в средней и высшей школе.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX — начале XX века / В.В. Бибикина. — Красноярск: Офсет, 2004.
2. Давыдов П. Народное образование в Енисейской губернии / П. Давыдов // Сибирские вопросы. — 1908. — № 2. — С. 24-28.
3. Девятков Ф.Ф. Заметки по вопросу о школьной грамотности в Енисейской губернии / Ф.Ф. Девятков // Сибирская школа. — 1917. — № 1.
4. Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края / Д.Г. Жолудев. — Енисейск, 1961. — 155 с.

5. Историческая справка по вопросу о народном образовании в Енисейской губернии / Сост. В. Захаров. — Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1896. — 137 с.
6. Личков Л.С. Как и что читает народ в Восточной Сибири / Л.С. Личков // Русская мысль. — 1896. — №1. — С. 36–42.
7. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. — Иркутск, 1893. — Т. IV. — Вып. 2. — 129 с.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г / Под ред. и с предисл. Н.А. Троицкого. — СПб., 1904. — Т. 73. Енисейская губерния. — 185 с.
9. Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв / В.И. Федорова. — Красноярск, 2015. — 243 с.
10. Федорова В.И. Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков / В.И. Федорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 510–528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528.
11. Шилов А.И. Очерки истории образования в Восточной Сибири в конце XIX-начале XX вв / А.И. Шилов. — Красноярск, 2011.
12. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири 1703-1917 гг / Н.С. Юрцовский. — Новониколаевск, 1923.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bibikova V.V. Rol' chastnoj i obshhestvennoj iniciativy v razvitii obrazovanija Enisejskoj gubernii v XIX — nachale XX veka [The role of private and public initiative in the development of education in the Yenisei province in the XIX — early XX century] / V.V. Bibikova. — Krasnoyarsk: Ofset, 2004. [in Russian]
2. Davydov P. Narodnoe obrazovanie v Enisejskoj gubernii [Public education in the Yenisei province] / P. Davydov // Sibirskie voprosy [Siberian issues]. — 1908. — № 2. — P. 24-28. [in Russian]
3. Devjatov F.F. Zametki po voprosu o shkol'noj gramotnosti v Enisejskoj gubernii [Notes on the issue of school literacy in the Yenisei province] / F.F. Devjatov // Sibirskaja shkola [Siberian School]. — 1917. — № 1. [in Russian]
4. Zholudev D.G. Kratkaja istorija shkol Krasnojarskogo kraja [A brief history of schools in the Krasnoyarsk Territory] / D.G. Zholudev. — Enisejsk, 1961. — 155 p. [in Russian]
5. Istoricheskaja spravka po voprosu o narodnom obrazovanii v Enisejskoj gubernii [Historical information on the issue of public education in the Yenisei province] / Comp. by V. Zaharov. — Krasnojarsk: Printing house of A.D. Zhilin, 1896. — 137 p. [in Russian]
6. Lichkov L.S. Kak i chto chitaet narod v Vostochnoj Sibiri [How and what the people read in Eastern Siberia] / L.S. Lichkov // Russkaja mysl' [Russian Thought]. — 1896. — №1. — P. 36–42. [in Russian]
7. Materialy po issledovaniju zemlepol'zovanija i hozjajstvennogo byta sel'skogo naselenija Irkutskoj i Enisejskoj gubernii [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces]. — Irkutsk, 1893. — Vol. IV. — Iss. 2. — 129 p. [in Russian]
8. Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. and intr. by H.A. Trojnickiy. — SPb., 1904. — Vol. 73. Yenisei province. — 185 p. [in Russian]
9. Fedorova V.I. Shkola – uchitel' – obshhestvo. Iz istorii narodnogo obrazovanija Enisejskoj gubernii XIX – nachala HH vv [School – teacher – society. From the history of public education of the Yenisei province of the XIX – early XX centuries] / V.I. Fedorova. — Krasnoyarsk, 2015. — 243 p. [in Russian]
10. Fedorova V.I. Social'naja mobil'nost' sel'skogo naselenija Enisejskoj gubernii v konce XIX — nachale HH vekov [Social mobility of the rural population of the Yenisei province in the late XIX — early XX centuries] / V.I. Fedorova // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. — 2022. — Vol. 11. — № 4. — P. 510–528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528. [in Russian]
11. Shilov A.I. Oчерки istorii obrazovanija v Vostochnoj Sibiri v konce XIX-nachale HH vv [Essays on the history of education in Eastern Siberia in the late XIX-early XX centuries] / A.I. Shilov. — Krasnoyarsk, 2011. [in Russian]
12. Jurcovskij N.S. Oчерки po istorii prosveshhenija v Sibiri 1703-1917 gg [Essays on the history of enlightenment in Siberia 1703-1917] / N.S. Jurcovskij. — Novonikolavsk, 1923. [in Russian]